A 238/1558

Л 238/1558

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ

ПО

ИСТОРІИ ЦЕРКВИ,

прочитанная въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ университетѣ, 11 октября 1895 года.

[Нѣсколько свѣдѣній и наблюденій касательно хода развитія церковно-исторической науки у насъ, въ Россіи].

Ординарнаго Профессора М. Д. Академіи

А. Лебедева.

2-я типографія
А. И. Снегиревой въ Сергіевомъ Посадѣ Московск. губ.
1895.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ

ПО

ИСТОРІИ ЦЕРКВИ,

прочитанная въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ университетѣ,
11 октября 1895 года.

[Нѣсколько свѣдѣній и наблюденій касательно хода развитія церковно-исторической науки у насъ, въ Россіи].

Ординарнаго Профессора М. Д. Академіи

А. Лебедева.

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

2-я типографія
А. И. Снегиревой въ Сергіевомъ Посадѣ Московск. губ.
1895.

(355)

Оттискъ изъ № 12 „Богословскаго Вѣстника“ за 1895 года

Печатать дозволяется. Октября 31 дня 1895 года.

Ректоръ Академіи **Архимандритъ Лаврентій.**

Мм. Гг.!

Церковно-историческая наука въ нашемъ отечествѣ по своему развитію и успѣхамъ стоитъ на незначительной высотѣ. Она далеко остается позади церковно-исторической науки запада—не только позади первенствующихъ западныхъ національностей: нѣмецкой, французской, англійской, но уступаетъ по своему значенію и національностямъ второстепеннымъ—итальянской, шведо-норвежской.

Одною изъ главныхъ причинъ такого явленія нужно при-ать слишкомъ позднее включеніе церковно-исторической уки въ составъ прочихъ богословскихъ наукъ, препо-вавшихся въ русскихъ духовныхъ школахъ. Въ то время, къ на западѣ давно уже ввели церковно-историческую уку въ программу богословскихъ школъ, у насъ едва нали помышлять о томъ же; и на первыхъ порахъ взя-ь за это дѣло апатично, безъ всякой энергіи.

А между тѣмъ церковно-историческая наука, какъ и вся-другая серьезная наука, можетъ достигать надлежа-о роста и развитія только въ связи съ тѣмъ, какъ она авлена и изучается въ соотвѣтствующихъ школахъ.

Первыя попытки ввести церковно-историческую науку русскихъ духовныхъ школахъ относятся лишь къ на-у XVIII вѣка. Но эти попытки имѣли мало успѣха, и

не только въ началѣ, но и въ теченіе всего XVIII вѣка. Извѣстный Духовный Регламентъ, составленный современникомъ и сподвижникомъ Петра I-го, архіепископомъ Псковскимъ, а потомъ Новгородскимъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ выражаетъ довольно заботъ о распространеніи и устройствѣ духовныхъ школъ въ Россіи; но такъ какъ Регламентъ покоится на схоластической почвѣ, то въ его проэктѣ духовныхъ школъ почти совсѣмъ не было отведено мѣста для исторіи церковной и гражданской. Исторію, ту и другую, проэктировалось преподавать въ теченіе только одного года и притомъ въ связи съ изученіемъ языковъ. Исторія или историческіе примѣры должны были увеселять юношей, поглощаемыхъ скучнымъ дѣломъ изученія классиковъ. По мнѣнію Регламента, ученики охотнѣе будутъ учиться, „когда невеселое языковъ ученіе толь веселымъ познаніемъ міра и мимошедшихъ въ мірѣ дѣлъ растворено имъ будетъ“ [1]). Исторія, по Регламенту, представлялась веселой забавой для скучающихъ юношей. Мнѣніе не высокое! Едва-ли оно хоть сколько нибудь могло располагать къ серьезному занятію исторіей. Въ частности изученію церковной исторіи не было отведено самостоятельнаго мѣста въ школахъ, проэктированныхъ Ѳеофаномъ. Изученіе ея сливалось и смѣшивалось съ изученіемъ гражданской исторіи.

Дальнѣйшій ходъ русскаго духовнаго просвѣщенія показываетъ, что школы, проэктированныя въ Регламентѣ, прививались туго на русской почвѣ; историческія и церковно-историческія науки долгое время остаются въ полномъ пренебреженіи. Черезъ 40 лѣтъ по изданіи Регламента Екатерина II въ одной инструкціи Св. Синоду замѣчаетъ, что семинаристы не знаютъ ни исторіи церковной, ни исторіи гражданской [2]).

Во второй половинѣ XVIII вѣка нѣкоторые русскіе болѣе просвѣщенные архіереи старались было заводить въ семинаріяхъ классы исторіи, но кажется безуспѣшно. Московскій митрополитъ Платонъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія дѣлаетъ личную попытку ввести общую исторію, т. е. церковную и гражданскую

---

[1]) Духовн. Регламентъ, стр. 40. М. 1776.

[2]) Знаменскаго. Духовныя школы въ Россіи, стр. 471. Казань. 1881.

въ кругъ наукъ любимой имъ и очень важной по ея научному значенію—Троицкой Семинаріи, помѣщавшейся въ Троице-Сергіевой лаврѣ (на мѣстѣ которой въ настоящее время находится Московская Духовная Академія). Ему удалось открыть необязательные классы исторіи для всѣхъ семинаристовъ, желавшихъ по доброй волѣ учиться этой наукѣ. Но духъ времени, проникнутый схоластицизмомъ, не благопріятствовалъ успѣху. Желавшихъ слушать и изучать исторію оказалось очень мало: трое изъ богословія, 5-ро изъ философіи и 5-ро же изъ риторики (богословіе, философія и риторика—это названія высшаго, средняго и нисшаго классовъ тогдашней семинаріи). И послѣ митрополиту Платону не разъ приходилось напоминать, чтобы занимались серьезнѣе исторіей. „Напоминается начальству семинаріи—писалъ онъ—чтобы прилежное тщаніе имѣть, дабы ученики учены были и успѣвали въ исторіи церковной и гражданской, *ибо сіе наипаче человѣка просвѣщеннымъ дѣлаетъ*“ (замѣчаніе глубоко-справедливое). Но преподаватели, отдавая большую часть времени изученію обязательныхъ предметовъ, не соблюдали предписаній Платона, и исторія была въ забросѣ [1]).

Такъ дѣло шло до самаго конца XVIII вѣка, до времени царствованія Павла, когда по какому-то случаю обратили наконецъ вниманіе на печальное положеніе церковно-исторической науки въ духовныхъ школахъ. Въ это время отъ Синода предписано было въ богословскомъ классѣ тогдашнихъ семинарій и академій, которыя, нужно сказать, почти нисколько не отличались однѣ отъ другихъ по своей программѣ преподаванія—изучать „краткую церковную исторію съ показаніемъ, какъ значилось въ синодскомъ опредѣленіи, „главныхъ эпохъ“. Всѣ науки, преподававшіяся въ семинаріяхъ и академіяхъ, раздѣлены были на ординарныя, т. е. болѣе важныя, и экстраординарныя, т. е. маловажныя. Первыя должны были изучать всѣ ученики, послѣднимъ-же обучались по собственной охотѣ. Къ этимъ экстраординарнымъ, обездоленнымъ наукамъ отнесены были и науки историческія. Притомъ на болѣе важные предметы

---

1) Смирнова. Исторія Троицкой Лаврской семинаріи, стр. 332—3. 335. М. 1867.

изученія (съ тогдашней точки зрѣнія) назначались утренніе часы уроковъ, а на менѣе важные предметы часы послѣобѣденные [1]). Едва-ли нужно добавлять, что при такихъ условіяхъ, церковная исторія нимало не оживилась. Нѣкоторыя лица, стоящія во главѣ церковнаго правительства, вынуждены были втолковывать какъ семинарскому и академическому начальству, такъ и преподавателямъ: какимъ образомъ вести такую небывалую науку, какою представлялась церковная исторія. Въ настоящее время можно только удивляться тѣмъ скромнымъ требованіямъ, какія тогда предъявлялись касательно церковной исторіи. Въ началѣ текущаго столѣтія вышеупомянутый нами митрополитъ Платонъ обращается съ слѣдующей инструкціей въ знаменитую Славяно-Греко-Латинскую Академію: „ученикамъ философіи и богословія читать (т. е. преподавать) исторію всеобщую. Экзаменовать каждый мѣсяцъ одинъ разъ. Экзаменъ же не въ иномъ чѣмъ долженъ состоять, какъ въ испытаніи достопамятныхъ случаевъ: твердо-ли оные памятуютъ ученики. Ибо исторія ничего болѣе не требуетъ, какъ чтобы ученики весьма памятовали, что читали, а въ особенности достопамятные въ церкви случаи. Сіи случаи напримѣръ: когда христіанство началось? Гдѣ апостолы проповѣдовали? Какія были гоненія на христіанъ, и за что, и сколько и кѣмъ? Какія были ереси, когда отъ кого и какъ онѣ были истребляемы? Какіе были соборы помѣстные и вселенскіе, по какому случаю и когда“? Какъ видимъ, эта академическая программа по церковной исторіи ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ, какія въ настоящее время можно встрѣчать даже въ институтахъ для учащихся дѣвицъ. Замѣчательно: Платонъ въ своей инструкціи дѣлаетъ еще такую прибавку: „не худо-бъ было-бы, ежели бы учениковъ еще испытывать: все ли они одобряютъ, или въ чемъ не сумнятся ли, или не дѣлаютъ ли на что разумную критику (по части церковной исторіи). Въ такомъ случаѣ сумнѣнія объяснять, а разумную критику похвалять, неблагоразумную же поправлять“ [2]). Интересно было бы знать, откуда

---

[1]) Чистовича. Исторія Петербургской Духовн. Академіи, стр. 103. 106. 109.

[2]) Смирнова. Исторія Славяно-Греко-Латинской Академіи, стр. 296—7. М. 1855.

у прежнихъ академистовъ, изучавшихъ церковную исторію, могъ возникать критицизмъ, когда отъ нихъ требовалось только „памятованіе достопамятныхъ въ исторіи случаевъ“; тѣмъ не менѣе этотъ параграфъ инструкціи митрополита Платона заслуживаетъ нашего вниманія: имъ требовалось возбужденіе собственнаго разсужденія въ ученикахъ и выработка самостоятельнаго взгляда на историческія событія.

Какъ-бы то ни было вышеупомянутый указъ Синода, появившійся въ самомъ концѣ XVIII вѣка, въ правленіе Павла, и предписывавшій ввести въ тогдашнихъ семинаріяхъ и духовныхъ академіяхъ изученіе по крайней мѣрѣ „краткой церковной исторіи“, не остался безъ нѣкоторыхъ послѣдствій. Дѣло не ограничилось тѣмъ, что просвѣщеннѣйшіе архіереи, въ родѣ Платона митрополита Московскаго, ревностно стали стараться о приведеніи въ исполненіе названнаго указа. Пришли къ мысли, что если введена церковная исторія въ кругъ наукъ, преподававшихся въ семинаріяхъ и академіяхъ, то непремѣнно должны быть и книги, по которымъ можно было бы изучать науку. Мысль эта раждалась совершенно естественно, потому что книгъ, по которымъ можно было бы изучать церковную исторію совсѣмъ не существовало. Въ качествѣ учебныхъ книгъ въ семинаріяхъ и академіяхъ употреблялись нѣкоторыя церковно-историческія сочиненія, написанныя на латинскомъ языкѣ и обязанныя своимъ происхожденіемъ протестантскимъ богословамъ, значитъ, такимъ лицамъ, которыя могли писать только въ своихъ интересахъ и въ своемъ духѣ и конечно несообразно съ требованіями русскихъ духовныхъ школъ. По такимъ руководствамъ учиться было затруднительно: одно нужно было сокращать и измѣнять, другое добавлять и исправлять. Работы при пользованіи этими книгами было много, а результатъ сомнителенъ и неопредѣлененъ [1]). Оказывалось, что необходимо имѣть сочиненіе по общей церковной исторіи, написанное русскимъ и православнымъ человѣкомъ. Такой человѣкъ и въ самомъ дѣлѣ нашелся. Разумѣемъ Меѳодія Смирнова (Меѳодій—монашеское имя историка), питомца Славяно-Греко-Латинской Академіи, потомъ ректора Троиц-

---

[1]) См. Liber Historicus (о ней рѣчь сейчасъ), p. 9—10. Смирнова. Ист. Троицк. Сем., 335.

кой Семинаріи и Славяно-Греко-Латинской Академіи, наконецъ, архіерея въ разныхъ епархіяхъ (умеръ въ 1815г.). Меѳодій принадлежитъ къ образованнѣйшимъ лицамъ своего времени. Митрополитъ Платонъ называлъ его „умомъ проницательнымъ и ученымъ“ [1]). Какъ профессоръ, этотъ ученый человѣкъ пользовался большой славой и популярностію [2]). Частію по собственной иниціативѣ, а частію по возбужденію со стороны духовнаго начальства, Меѳодій, отвѣчая нуждамъ времени, рѣшился составить сочиненіе по общей церковной исторіи, которое должно было служить пособіемъ при изученіи названной науки. Но напечатанъ только одинъ томъ, написанный на латинскомъ языкѣ и носящій заглавіе: Liber Historicus съ поясненіемъ, что книга обнимаетъ исторію христіанской церкви первыхъ трехъ вѣковъ [3]). Издана въ Москвѣ въ 1805 году. Вотъ первая книга по общей церковной исторіи, поставившая себя цѣлію обозрѣть ходъ дѣлъ въ христіанской церкви за три первые вѣка. Какъ первая книга по нашей наукѣ, она не можетъ не заслуживать памяти потомства. Замѣчательно, что авторъ этого сочиненія—Меѳодій Смирновъ, бывшій въ то время архіепископомъ Тверскимъ, за свой трудъ получилъ разомъ двѣ монаршихъ награды: звѣзду Александра Невскаго и бриліантовый крестъ на клобукъ. [4]) Указываемъ на это обстоятельство частію потому, что, какъ извѣстно, въ наше время, никакихъ наградъ за ученыя сочиненія не полагается; а частію—и это главное—потому, что фактъ этотъ очень громко свидѣтельствуетъ о искреннемъ и дѣятельномъ желаніи самой верховной власти и высшаго начальства всячески поощрять разработку церковно-исторической науки. Видно, что сознаніе важности церковно-исторической науки начинаетъ значительно возрастать.

Позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько краткихъ замѣчаній о достоинствахъ и недостаткахъ сочиненія Меѳодія: Liber

---

[1]) Чтен. въ Общ. люб. дух. просвящ. 1877, часть III: матеріалы, стр. 54.

[2]) Смирнова. Ист. Троицк. Сем., 279.

[3]) Болѣе полное заглавіе книги такое: Liber Historicus de rebus, in primitiva nisine trium primorum et quarti ineuntis seculorum ecclesia Christiana,... in 4—to.

[4]) „Историч. Вѣстникъ“, 1887, октябрь (въ статьѣ: „Покушеніе на жизнь Меѳодія“).

Historicus. Книга написана, несомнѣнно, очень учено. Авторъ перечиталъ, все лучшее, что можно было найти въ то время въ иностранной литературѣ по части изученія первыхъ трехъ вѣковъ христіанства [1]). Но къ сожалѣнію, такъ какъ ученость автора была заимствована со стороны, то она составила, такъ сказать, лишь внѣшнюю принадлежность, внѣшнее украшеніе сочиненія. Ученость автора мала оживила его книгу. Въ ней много дѣльныхъ разсужденій и хорошихъ объясненій; но рядомъ съ этимъ много такого, что сильно затѣняетъ ея достоинства. Наприм. жизнь Господа Іисуса Христа изображена такъ сухо, что мы имѣемъ предъ собой только конспектъ и больше ничего. Ереси первыхъ трехъ вѣковъ Меѳодій излагаетъ не въ систематическомъ, а хронологическомъ порядкѣ, вслѣдствіе чего выходитъ большая путаница; сообщеніе свѣдѣній объ еретикахъ напоминаетъ собой послужные списки. О церковныхъ писателяхъ изучаемой имъ эпохи Меѳодій говоритъ очень мало и недостаточно. У него нѣтъ ни раскрытія ученія св. Отцевъ, ни характеристики ихъ сочиненій. Говоря о причинахъ гоненій на христіанъ, онъ довольствуется указаніемъ лишь такихъ причинъ, о которыхъ говорятъ христіанскіе апологеты того времени. Безъ всякихъ основаній, авторъ отводитъ исторіи гоненій послѣднее мѣсто въ ряду явленій, имъ изучаемыхъ. Исторія Меѳодія, ко вреду для своего дѣла, захватываетъ кромѣ исторіи въ собственномъ смыслѣ и церковное право, (каноникy), и науку о богослуженіи (литургику) и ученіе объ отцахъ церкви (патристику). Отсюда, какъ естественное слѣдствіе, сжатость изложенія, переходящая въ непріятную сухость стиля. Книга Меѳодія тотчасъ по ея явленіи въ свѣтъ въ 1805 году, была введена въ качествѣ учебнаго руководства по церковной исторіи въ Славяно-Греко-Латинской Академіи, гдѣ какъ и въ другихъ академіяхъ и даже семинаріяхъ въ то время преподаваніе велось еще на латинскомъ языкѣ. Но по правдѣ сказать: книга едва-ли хоть сколько-нибудь годилась для указанной цѣли. Она предполагаетъ очень серьезную подготовку въ читателѣ, какимъ не былъ тогдашній академистъ. Сочиненіе Меѳодія нерѣдко отсылаетъ своего чита-

[1]) P. p. 13—80.

теля за подробными разъясненіями того или другаго вопроса къ сотнѣ книгъ въ иностранной литературѣ. Въ виду этого сочиненіе Меѳодія могло быть полезно развѣ для наставника церковной исторіи, да и то не для всякаго. Замѣтимъ еще, что книга наполнена полемикою противъ протестантовъ, вслѣдствіе чего она теряетъ тонъ спокойнаго ознакомленія съ дѣломъ. Въ ней нерѣдко встрѣчаются разсужденія, которыя очевидно сильно интересовали самого историка, но которыя кажутся излишними для читателя [1]). Итакъ мы видимъ, что недостатковъ въ книгѣ архіепископа Меѳодія Смирнова было много—и неудивительно, если она въ свое время не встрѣтила сочувствія. И въ школѣ, и въ публикѣ, и въ наукѣ она скоро была полузабыта. Не было даже попытки перевести Liber Historicus на русскій языкъ, хотя церковно-историческая наука не можетъ у насъ похвалиться богатствомъ литературы и въ настоящее время. Все это мы говоримъ не для того, чтобы принизить нашего давняго сотоварища по наукѣ: его достойное имя не забудется въ исторіи нашей науки; а чтобы указать, какъ мало удачи имѣла первая попытка давняго русскаго ученаго насадить церковно-историческую науку на русской почвѣ. Онъ слишкомъ поторопился. Еще много воды должно было утечь, прежде чѣмъ эта наука стала развиваться и крѣпнуть.

Прошли цѣлыя дѣсятилѣтія прежде чѣмъ наступили лучшія времена для церковно-исторической науки. Впрочемъ и въ первой четверти текущаго вѣка въ царствованіе Александра I-го мы встрѣчаемъ замѣтныя старанія надлежащей власти вызвать русскихъ богослововъ къ серьезному занятію такой важной въ системѣ богословскаго образованія наукой, какою должна была сдѣлаться церковная исторія. Въ нѣкоторомъ отношеніи эпоху въ развитіи церковно-исторической науки на Руси составляетъ тотъ уставъ семинарій и академій, который выработанъ былъ въ срединѣ царствованія Александра I-го, уставъ Сперанскаго, такъ называемый по имени главнаго участника въ его редактированіи Михаила Михаиловича Сперанскаго, впослѣдствіи графа. Указанный уставъ Высочайше утвержденъ въ 1814 году, но вошелъ въ дѣйствіе даже нѣсколько раньше. Съ

[1]) Для примѣра укажемъ: pag. 191. 217. 256—262.

этого времени церковная исторія, какъ наука, получила болѣе самостоятельный видъ и болѣе прочное положеніе среди другихъ богословскихъ наукъ. Въ Академіяхъ положено было тогда преподавать церковную исторію въ послѣдніе два года академическаго курса (академическій курсъ былъ тогда четырехъ-годичный, какъ и теперь), и притомъ преподавать *до обѣда* [1]), — до обѣда, т. е. изъ экстраординарныхъ, какою именовалась церковная исторія еще въ концѣ XVIII вѣка въ оффиціальныхъ сферахъ, наука эта возведена въ рангъ ординарныхъ. Несомнѣнное повышеніе! А главное—въ мотивированномъ проэктѣ академическаго устава 1814 года церковная исторія необинуясь названа возвышеннымъ именемъ: „общаго святилища", т. е. какъ-бы всемірнаго храма. Отъ преподаванія и изученія церковно-исторической науки въ академіяхъ, при этомъ, потребовали такихъ качествъ и свойствъ, которыя назадъ тому десять лѣтъ до этого времени и во снѣ никому не снились. Проэктъ Академическаго устава выражаетъ требованіе, чтобы въ духовныхъ академіяхъ излагалась ни больше, ни меньше какъ *философія исторіи*. Именно говорилось: „науки историческія могутъ имѣть двѣ цѣли и потому въ двухъ разныхъ отношеніяхъ должны быть преподаваемы. Первая цѣль историческаго изученія состоитъ въ томъ, чтобы каждое происшествіе, замѣчательное въ событіяхъ міра, умѣть отнести къ своему времени и мѣсту и связать съ обстоятельствами современными. Сей предметъ обыкновеннаго ученія исторіи. Вторая цѣль высшая и несравненно полезнѣйшая состоитъ въ томъ, чтобы въ связи происшествій открыть успѣхи нравственности; постепенное шествіе (т. е. прогрессъ) человѣческаго разума и различныя его заблужденія, судьбы ложныхъ религій и преуспѣяніе единой истинной — христіанской. Всѣ сіи умозрѣнія въ связи ихъ составляютъ то, что называется собственно философіей исторіи. Какъ историческія науки (т. е: церковная и гражданская исторія вмѣстѣ) въ первомъ отношеніи составляютъ предметъ низшихъ училищъ (т. е. семинарій), то истиннымъ предметомъ академическаго ученія — заявляется въ нашемъ документѣ — должна быть философія исторіи" [2]).

[1]) Чистовича. Ист. Петерб. Акад., 170. 211. 268.

[2]) Чистовича, стр. 210. 213.

Таковъ по разъясненію составителей устава „необыкновенный предметъ обученія исторіи“ въ академіяхъ въ отличіе отъ обыкновеннаго, которому отводилось мѣсто въ семинаріяхъ. Дѣйствительно, это былъ необыкновенный предметъ преподаванія, потому что онъ долженъ былъ изумлять тогдашнихъ малоученыхъ богослововъ, почти вовсе незнакомыхъ съ наукой исторической, пріобыкшихъ почивать на схоластической латыни, не имѣвшихъ яснаго понятія о западной наукѣ и ея успѣхахъ. Потребовали теперь философіи исторіи отъ такихъ наставниковъ, которымъ назадъ тому десять лѣтъ нужно было втолковывать, что такое церковная исторія вообще, какъ нужно учить ей, которыхъ знакомили—словомъ съ азами науки (какъ это дѣлалъ митрополитъ Платонъ). Само по себѣ понятно, что подъ сѣнію академическаго устава 1814 года никакой философіи исторіи не процвѣло.

На самыхъ же первыхъ порахъ оказалось, что и нѣтъ никакого русскаго учебника, по которому можно было бы знакомить учащихся съ элементами церковно-исторической науки. Книга архіепископа Меѳодія, хотя и составляла новинку для разсматриваемаго времени (не исполнилось еще и десяти лѣтъ со времени появленія ея въ свѣтъ), но однако она не годилась для учебника: онъ обнимала, какъ мы знаемъ, только небольшую часть церковной исторіи и имѣла антипедагогическій характеръ. — Вышло приказаніе составить учебное руководство по церковной исторіи и Иннокентій Смирновъ (монашеское имя нашего историка) впослѣдствіи епископъ Пензенскій составилъ въ торопяхъ (тогда вообще любили очень спѣшить) книгу, озаглавляющуюся: „Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII вѣка“, въ двухъ томахъ. Сочиненіе вышло въ 1817 году, въ Петербургѣ. „Начертаніе“ Иннокентія въ продолженіи полустолѣтія и было оффиціальнымъ учебникомъ въ академіяхъ и семинаріяхъ, а потому выдержало множество изданій. И это вмѣсто всякой другой философіи исторіи!

Остановимся на нѣсколько минутъ нашимъ вниманіемъ на трудѣ Иннокентія Смирнова. Иннокентій получилъ образованіе въ Троицко-Лаврской Семинаріи, по курсу наукъ стоявшей тогда не ниже Славяно-Греко-Латинской Академіи, кончивъ ученіе въ 1806 году.

А въ 1812 году его вызвали въ Петербургъ и назначили профессоромъ церковной исторіи въ тамошней духовной Академіи. Затѣмъ Иннокентій былъ ректоромъ петербургской семинаріи, продолжая оставаться и профессоромъ по церковной исторіи въ академіи. Въ 1814 году удостоенъ степени доктора богословія—рѣдкостное и исключительное отличіе въ тѣ времена. Наконецъ его возвели въ санъ архіерейскій, назначивъ епископомъ Пензенскимъ, но не долго длилось его жизнь послѣ этого назначенія. Онъ умеръ въ 1819 году, имѣя всего 35 лѣтъ. Онъ сдѣлался жертвой своего непомѣрнаго ученаго трудолюбія.

Сочиненіе Иннокентія—„Начертаніе церковной исторіи" есть ничто иное какъ его академическія лекціи, которыя по отпечатаніи ихъ были введены въ качествѣ учебника въ среднихъ и высшихъ духовныхъ школахъ. Трудъ этого историка далекъ отъ совершенства; но въ положеніи Иннокентія и не было условій, благопріятствовавшихъ полному успѣху дѣла: онъ писалъ свою исторію не потому, что чувствовалъ себя вполнѣ обладающимъ нужными для этого знаніями, а потому что такого дѣла требовало отъ него духовное правительство. „Начало сего труда—говоритъ авторъ въ предисловіи къ „Начертанію", есть единственно воля и расположеніе начальства". Этимъ сказано многое, если не все. Конечно, начальство можетъ заставить начертать книгу, но оно не можетъ какъ-бы по дѣйствію волшебнаго жезла вдругъ создать науку. Наука постепеннымъ, медленнымъ путемъ приходитъ къ самосознанію, искусственно же ее нельзя насадить—въ надеждѣ, что она скоро выростетъ. И самъ Иннокентій скромно сознавалъ, что написанное имъ далеко отъ идеала истинной науки. Въ томъ же предисловіи онъ говоритъ: „сіе начертаніе писано для исторической каѳедры въ духовномъ училищѣ (т. е. академіи и семинаріи) и потому не можетъ удовлетворять любопытству, ищущему открытія историческихъ тайнъ или подробностей о церковныхъ происшествіяхъ въ собственной ихъ полнотѣ". Отсюда видно, что авторъ „Начертанія" хорошо сознавалъ, какъ далекъ былъ его трудъ отъ требованій серьезной науки, къ которой стремится „ищущій открытія историческихъ тайнъ". Да и какого открытія историческихъ тайнъ или какихъ „подробностей о церковныхъ происше-

ствіяхъ (какъ выражается авторъ) въ собственной ихъ полнотѣ" стали бы мы требовать отъ Иннокентія, который послѣ очень не многолѣтняго занятія церковной исторіей въ Академіи въ какихъ нибудь два года написалъ двухтомную книгу значительнаго объема и разносторонняго содержанія?

Сочиненіе Иннокентія во многомъ не самостоятельно. Авторъ широкою горстью черпалъ содержаніе своего труда изъ произведеній двухъ нѣмецкихъ протестанскихъ историковъ: Шпангейма, жившаго въ концѣ XVII вѣка, и Вейсмана—въ началѣ XVIII-го [1]). Обратимъ кстати вниманіе на то, что эти ученыя пособія нашего историка появились на сотню лѣтъ раньше его времени. Въ особенности обильно Иннокентій пользовался Вейсманомъ. Онъ не церемонясь выписываетъ цѣлыя тирады изъ труда нѣмецкаго ученаго. Мало того: онъ иногда цѣликомъ списываетъ и самыя заглавія разныхъ отдѣловъ, встрѣтающіяся у Вейсмана, сохраняя всѣ особенности языка и не пренебрегая его цвѣтистымъ краснорѣчіемъ [2]). Само собой понятно, что Иннокентію не до того было, чтобы критически провѣрять результаты добытые нѣмецкими учеными; и потому хоть и рѣдко нашъ историкъ говоритъ такъ, какъ будто-бы онъ былъ не православный, а протестантскій писатель [3]). Сочиненіе Иннокентія впослѣдствіи многими и много разъ исправлялось, но сколько нибудь значительныхъ улучшеній въ немъ не было сдѣлано. То, что привноситъ нашъ авторъ отъ себя въ сочиняемое имъ по нѣмецкимъ образцамъ произведеніе.— это не отличалось большими достоинствами. Такъ, если Иннокентій пользуется, какъ историческимъ источникомъ, разсказомъ объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ, то одобрить его за это нельзя. Изложеніе книги сухое и мертвенное. Хорошо по крайней мѣрѣ то, что книга была написана порусски, а не по латыни. Вообще въ научномъ отношеніи сочиненіе Иннокентія стоитъ много ниже прежде разсмотрѣннаго нами сочиненія Меѳодія.

Свое полное значеніе „Начертаніе" Иннокентіево имѣетъ

[1]) См. мое сочиненіе: „Очерки развитія протестантской церковно-ист. науки", 59—60. М. 1881.

[2]) См. въ томъ же моемъ сочиненіи, 59.

[3]) См. его замѣчанія о свв. Іустинѣ, Ѳеофилѣ антіох., Иринеѣ и объ источникахъ для исторіи ересей. Стр. 16. 18—19 51. Изд. седьмое. М. 1849.

въ томъ отношеніи, что это доселѣ единственное у насъ серьезное сочиненіе, описывающее почти всю исторію церкви. Какъ учебникъ по церковной исторіи оно замѣчательно тѣмъ, что это такой учебникъ, какихъ не пишутъ по этому предмету въ *наше* время: со всѣмъ научнымъ аппаратомъ, со ссылками на источники и пособія, съ замѣчаніями критическими и вообще научными. Въ послѣднемъ отношеніи книга Иннокентія походитъ на учебники по церковной исторіи, какіе существуютъ лишь на Западѣ.

Раньше мы упоминали, что книга Иннокентія, какъ учебникъ сослужила пятидесятилѣтнюю службу въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Но спрашивается: если самъ Иннокентій при составленіи книги пользовался такими учеными пособіями, которымъ истекла столѣтняя давность, то насколько должны были устарѣть результаты книги еще чрезъ 50 лѣтъ? И какими свѣдѣніями обладали студенты академій, учась по книгѣ, которая отстала отъ науки на полтораста лѣтъ?

Во всякомъ случаѣ, разсуждая объ академическомъ уставѣ 1814 года или уставѣ Сперанскаго,—а это мы теперь и дѣлаемъ, нельзя не сказать, что однимъ изъ первыхъ его плодовъ по части нашей науки было появленіе въ свѣтъ вотъ этой разсматриваемой нами книги „Начертанія“ Иннокентія, епископа Пензенскаго.

Подъ режимомъ устава 1814 года наши академіи, а съ ними и церковно-историческая наука прожили болѣе, чѣмъ полустолѣтній періодъ времени—до 1869 года, когда появился новый уставъ Академій. Можно-ли что̀ и что̀ именно ставить въ заслугу устава 1814 года, если разсматривать его по отношенію къ нашей наукѣ? Уставъ этотъ, нужно отдать ему честь, былъ очень эластиченъ. Сохраняя свои основы, онъ однакожъ могъ претерпѣвать очень существенныя измѣненія. Такія измѣненія коснулись и постановки церковно-исторической науки въ академіяхъ—и притомъ въ благопріятномъ для этой науки смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдя за судьбой указаннаго Устава, мы съ удовольствіемъ замѣчаемъ: какъ мало по малу, съ теченіемъ времени, при дѣйствіи этого Устава значительно разрасталась наша наука, какъ предметъ академическаго преподаванія. Въ самомъ началѣ Уставъ ввелъ въ академіяхъ только одну каѳедру

для изученія церковной исторіи; но конечно этого слишкомъ мало для такой фундаментальной богословской науки, какъ церковная исторія. Нужда расширенія академическаго преподаванія этой науки чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе чувствовалось.—И вотъ въ 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годахъ при дѣйствіи все-того же Устава, одна церковно-историческая каѳедра постепенно раздѣлилась на четыре самостоятельныя каѳедры: кромѣ каѳедры по древней церковной исторіи—этой важнѣйшей отрасли церковно-исторической науки, появились каѳедры: библейской исторіи, русской церковной исторіи и новой церковной исторіи Запада [1]). Ученыхъ силъ въ академіи, назначаемыхъ на разработку нашей науки, прибыло.

Какихъ же успѣховъ достигла церковно-историческая наука при дѣйствіи разсматриваемаго Устава? Что касается школьнаго изученія ея, то дѣло это, по крайней мѣрѣ къ концу періода было поставлено на значительную высоту. Методы улучшились; взгляды стали глубже и серьезнѣе; интересъ къ ней возросъ; засвѣтились надежды. Въ этомъ отношеніи и въ послѣдующее время школа едва-ли сдѣлала какое либо поступательное движеніе. Дѣло школьнаго изученія нашей науки было уже налажено очень хорошо. Недоставало однако-жъ одного и самаго важнаго: нужно было, чтобы церковно-историческая наука перешагнула за предѣлы школы, и стала элементомъ общественнаго значенія; конечно, для науки въ этомъ случаѣ есть только одинъ путь—путь взаимообщенія школы съ окружающимъ ее міромъ посредствомъ печати. Но этотъ путь въ разсматриваемое время еще почти не былъ найденъ нашей наукой. Наша наука обязана была давать отчетъ о своей дѣятельности только предъ начальствомъ, а ни чуть не предъ обществомъ. Какъ извѣстно, обычный способъ, которымъ школа проявляетъ взаимообщеніе съ окружающимъ ее міромъ и посредствомъ котораго даетъ обществу отчетъ о своей дѣятельности—это публикованіе результатовъ ея ученой дѣятельности путемъ печати—короче: печатаніе диссертацій на ученыя степени, печатаніе въ интересахъ общественной критики, которая должна исправлять недостатки и недочеты узко-спеціальной школьной критики.

---

[1]) Смирнова. Исторія Моск. Дух. Академіи. М. 1879.

По этого обычнаго способа взаимообщенія школьнаго и внѣ-школьнаго міровъ не существовало въ академіяхъ, построенныхъ по уставу 14 года. Диссертаціи на ученыя степени здѣсь писались, и въ рукописномъ видѣ подвергались профессорской критикѣ, но не печатались для всеобщаго свѣдѣнія. Школа была училищемъ въ узкомъ смыслѣ слова. Подобно прочимъ богословскимъ наукамъ, и церковная исторія не заявляла о ея научныхъ результатахъ предъ обществомъ: церковно-историческихъ диссертацій, писанныхъ на ученыя степени, печатать не требовалось. Видно, что стражи богословской науки боялись пускать ее далеко отъ себя: она казалась имъ еще неопытною, незрѣлою, способною сбиться съ пути, способною скорѣе уронить свою репутацію, чѣмъ зарекомендовать себя съ лучшей стороны. Правы-ли были стражи, разсуждая такъ: дѣло для насъ не важное. Важенъ самый фактъ... Если школа не имѣла способа входить во взаимообщеніе съ окружающимъ міромъ указаннымъ обычнымъ путемъ; то также мало склонна была она оповѣщать внѣ школьный міръ о результатахъ своей научной дѣятельности — необязательными способами — въ формѣ необязательно написанныхъ въ интересахъ науки и народнаго просвѣщенія книгъ, изданія журналовъ и т. п. Если стражи богословской науки боялись за ея репутацію и не признавали нужнымъ печатать богословскія диссертаціи, то сама школа, еще мало увѣренная въ своихъ силахъ—опасалась входить во взаимообщеніе съ нешкольнымъ міромъ посредствомъ печатанія книгъ необязательнаго характера, изданія журналовъ на свой страхъ и т. п. Богословы того времени книгъ печатали очень мало, журналовъ издавали еще меньше. Церковно-историческая наука въ этомъ отношеніи раздѣляла общій жребій. Можно сказать даже: она еще болѣе пріучалась къ смиренію, чѣмъ другія богословскія науки, потому что она считалась второстепенной богословской наукой. Встрѣчались тогда такіе случаи: профессоръ академіи, дѣлаясь ректоромъ ея, если онъ раньше преподавалъ Церковную исторію, долженъ былъ по принятіи ректуры бросить преподаваніе этой науки и замѣнить ее догматическимъ богословіемъ. Очевидно, въ данномъ случаѣ ректору давалось преподаваніе высшей науки, т. е. науки высшаго качества, взамѣнъ науки низшаго до-

стоинства. Лучшимъ, даровитѣйшимъ студентамъ академіи темы для сочиненій на ученыя степени преимущественно предлагались по догматическому богословію, а отнюдь не по исторіи. Церковную исторію тогда смиряли; не удивительно, если она при такихъ условіяхъ и сама смирялась. А потому книги церковно-историческаго содержанія являлись крайне рѣдко. Богословскіе журналы, которыхъ въ теченіе этого періода было очень немного, не гнались за статьями по вопросамъ церковно-исторической науки. Если же одинъ изъ старѣйшихъ богословскихъ журналовъ: *Христіанское Чтеніе* (издававшійся при Петербургской Академіи) и велъ на своихъ страницахъ отдѣлъ, подъ заглавіемъ „Духовная Исторія", то въ этомъ отдѣлѣ, хотя и давалось мѣсто статьямъ церковно-историческаго содержанія, но въ нихъ церковная исторія разсказывалась для общаго назиданія, а не изучалась сообразно требованіямъ науки и научной критики.

Одно можно утверждать, именно то, что при дѣйствіи Устава 14 года церковная исторія заняла прочное мѣсто въ ряду другихъ богословскихъ наукъ, а въ связи съ этимъ равно и то, что въ это время положено начало научной обработки разсматриваемой науки, въ нашей, тогда очень небогатой, духовной печати. Впрочемъ, если бы насъ заставили перечислить всѣхъ ученыхъ, положившихъ начало обработки нашей науки въ печати въ разбираемое время, то мы не въ состояніи были бы найти много лицъ подобнаго рода; но во всякомъ случаѣ упомянули бы имя знаменитаго ученаго протоіерея Александра Васильевича Горскаго, сначала профессора, а потомъ ректора Московской Духовной Академіи († 1875 г.)—Горскаго въ теченіе 30 лѣтъ съ большимъ успѣхомъ занимавшаго каѳедру церковной исторіи въ названной Академіи и стяжавшаго себѣ почтенную славу не въ рядахъ только однихъ спеціалистовъ. Къ сожалѣнію, я не могу назвать ни одного сочиненія Горскаго, которое давало бы ему особенно видное мѣсто среди людей, занимающихся нашей наукой; такого сочиненія нѣтъ у Горскаго; но за то несомнѣнно онъ былъ глубокій знатокъ и преданнѣйшій адептъ нашей науки. Благодаря вотъ этому-то Горскій имѣлъ непомѣрно большое вліяніе на складъ научной жизни Московской Академіи, такъ что Московскую

Духовную Академію по господствующему въ ней ученому духу, съ полнымъ правомъ можно именовать Академіей церковно-исторической науки. Подлѣ имени Горскаго можно упомянуть и еще два имени: Филарета архіеп. Черниговскаго († 1866 г.) и преосвящ. Порфирія Успенскаго († 1885 г.),— этихъ двухъ ученыхъ, воспитавшихся въ эпоху дѣйствованія устава 1814 года, и по своимъ научнымъ пріемамъ и симпатіямъ, принадлежавшихъ преимущественно этимъ временамъ. Оба они положили прочное начало развитію серьезной церковно-исторической науки, хотя энциклопедизмъ ихъ учено-богословскихъ работъ, желаніе обработать своими руками многія богословскія науки заразъ—не дали имъ возможности сдѣлаться спеціально историками, не смотря на то, что сюда больше всего склоняли ихъ и любознательность и ученый инстинктъ.

Замѣчательно, что какъ время, когда происходило введеніе въ дѣйствіе устава 1814 года, ознаменовано было появленіемъ церковнаго историка, принявшаго на себя обработку общей церковной исторіи и какъ бы намѣчавшаго путь дальнѣйшаго развитія этой науки—разумѣемъ епископа Иннокентія, такъ и послѣдніе годы жизни разсматриваемаго устава тоже дали намъ церковнаго историка съ достаточно широкими планами. Говоримъ о профессорѣ Петербургской Академіи Чельцовѣ, который какъ-бы хотѣлъ подвести итоги знаній, эрудиціи и успѣховъ, достигнутыхъ только-что протекшимъ полустолѣтіемъ въ области церковно-исторической науки. Названный профессоръ, принимаясь за свое дѣло, чувствовалъ, какъ онъ самъ заявлялъ, „настойчивую необходимость“ сдѣлать подобное дѣло; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ (и открыто говорилъ объ этомъ), всю „трудность для одного лица въ скоромъ времени представить опытъ цѣльнаго и самостоятельнаго изложенія церковной исторіи [1])“,—и это послѣднее признаніе вполнѣ оправдалось, на немъ, хотя онъ можетъ быть этого и не ожидалъ.

Иванъ Васильевичъ Чельцовъ, воспитанникъ Петербургской Духовной Академіи, въ этой же Академіи въ продолженіе 30 лѣтъ былъ профессоромъ общей церковной исто-

[1]) Предисловіе въ его „Исторіи христіанской церкви“.

ріи. Это былъ человѣкъ талантливый, ученый, многознающій, съ отзывчивою душею и съ сердцемъ открытымъ для воспріятія истины. Онъ умеръ въ 1878 году.

Предпринявъ изданіе церковно-историческаго курса, Чельцовъ въ 1861 году напечаталъ, какъ выражается самъ онъ, „отрывокъ своихъ лекцій [1])“, проще говоря первый томъ „Исторіи христіанской церкви“, обхватывающій кромѣ, краткаго описанія жизни Господа Іисуса Христа и дѣятельности апостоловъ съ нѣкоторыми предварительными замѣчаніями общаго содержанія—исторію распространія христіанства въ II и III вѣкѣ и исторію гоненій на христіанъ въ это-же время съ присоединеніемъ свѣдѣній о борьбѣ церковныхъ писателей этого же періода—съ языческими писателями, направлявшими свою рѣчь противъ христіанства. Другими словами: томъ первый исторіи Чельцова обнимаетъ собою часть первоначальнаго періода христіанста, т. е. эпохи первыхъ трехъ вѣковъ. За этимъ первымъ томомъ, по намѣренію Чельцова, долженъ былъ послѣдовать рядъ томовъ, или „отрывковъ“, какъ предпочитаетъ выражаться авторъ. Но никакого продолженія труда Чельцова не послѣдовало. Профессоръ Петербургской Академіи ограничился указаннымъ первымъ томомъ. Такимъ образомъ предпріятіе ученаго профессора почему-то остановилось едва начавшись.

Къ сожалѣнію, и по своимъ достоинствомъ произведеніе Чельцова не можетъ быть поставлено высоко. Въ предисловіи къ своему труду авторъ указываетъ два качества изданной имъ части—самостоятельность и православность. Прежде всего замѣтимъ на это: мы не совсѣмъ понимаемъ по какому побужденію въ числѣ качествъ своей книги авторъ указываетъ ея православность. Само-собой разумѣется, что православные историки писали, пишутъ и могутъ писать только въ православномъ духѣ, пока они остаются въ лонѣ православія. Что касается самостоятельности, то этого качества мы почти не усматриваемъ въ книгѣ Чельцова. Книга написана подъ сильнымъ вліяніемъ церковно-историческаго труда извѣстнаго нѣмецко-протестантскаго историка Августа Неандера, плодовитѣйшаго писателя первой поло-

[1]) См. тамъ же.

вины текущаго вѣка; по мѣстамъ нашъ авторъ просто копируетъ нѣмецкій подлинникъ. Для насъ не вовсѣмъ понятно, какимъ образомъ свой подражательный и неоригинальный трудъ Чельцовъ рѣшился назвать самостоятельнымъ руководствомъ [1]). Какая же эта самостоятельность, когда взявши въ руки церковную исторію Неандера, легко составить себѣ понятіе: что Чельцовымъ прямо взято изъ нѣмецкаго историка, что прибавлено или убавлено, что измѣнено или подцвѣчено по сравненію съ оригиналомъ; —когда вообще мы безъ особеннаго труда отыскиваемъ красную нить, которой держится русскій историкъ, и которую, какъ оказывается, онъ не самъ спрялъ, а призанялъ со стороны? Но нѣтъ надобности распространяться о такомъ трудѣ, который имѣетъ немного достоинствъ, и который окончился на первомъ томѣ вмѣсто ожидаемаго десятка томовъ. Почему Чельцовъ не продолжалъ своего труда, мы не знаемъ. Возможно, что онъ почувствовалъ: какъ недостаточно приготовленъ онъ для такого предпріятія, какъ составленіе общей церковной исторіи; возможно и то, что *автору самому же и притомъ* скоро наскучило такое дѣло, *какъ передѣлываніе чужаго* труда столь извѣстнаго и столь доступнаго для каждаго, кто хотѣлъ бы ознакомиться съ нимъ.

Вообще, если Чельцовъ имѣлъ въ виду какъ-бы подвести итоги сдѣланному въ области науки церковно-исторической у насъ и на западѣ — въ его время, то нашего историка постигла полная неудача: предпринятый имъ трудъ никого удовлетворить не могъ, самъ же авторъ не показалъ должной энергіи въ преслѣдованіи своей цѣли и выполненіи своей задачи. И такимъ образомъ историкъ достаточно засвидѣтельствовалъ на собственномъ примѣрѣ, что наша церковно-историческая наука во весь періодъ дѣйствованія устава 1814 года не достигла не только большихъ, но даже и скромныхъ успѣховъ. Должно замѣтить, что если такой талантливый, многосвѣдущій и чуткій, что касается истины человѣкъ, какъ Чельцовъ, вздумавшій обозрѣть прошедшія судьбы общей-церковной исторіи, потерпѣлъ крушеніе; то кто же другой изъ его современниковъ преподолѣлъ бы трудности и вышелъ бы побѣдителемъ, ставъ

[1]) См. прежде цитированное мое сочиненіе: „Очерки развитія протестантской“ и пр., стр. 147.

на его мѣстѣ? Думаемъ, что пожалуй — никто. Церковно-историческая наука, въ разсматриваемый періодъ, въ качествѣ предмета школьнаго преподаванія сдѣлала несомнѣнные успѣхи; но ей не доставало ни зрѣлости, ни творчества въ качествѣ науки, которая должна идти рука-объ-руку съ дѣйствительной наукой, издавна упрочившейся и поднявшейся на значительную высоту въ наиболѣе культурныхъ европейскихъ странахъ.

Безспорную эпоху въ развитіи церковно-исторической науки у насъ въ Россіи составляетъ новый уставъ Духовныхъ Академій, опубликованный и введенный въ дѣйствіе въ 1869 году. Это такъ называемый въ публикѣ Макарьевскій уставъ, именуемый такъ потому, что инициаторомъ и главнымъ редакторомъ его былъ высокопросвѣщенный Макарій, впослѣдствіи митрополитъ Московскій. Уставъ 69-го года въ высшей степени благопріятно отозвался на положеніи церковно-исторической науки, значеніе этой науки поднялось. Всѣ науки академическаго курса, по этому уставу, распредѣлены были на три отдѣленія; въ числѣ ихъ появилось и церковно-историческое отдѣленіе. Студенты, записавшіеся на это отдѣленіе, почти исключительно въ теченіе четырехъ лѣтъ стали заниматься историческими науками. Понятно, какое слѣдствіе должно было вытекать отсюда. Вскорѣ это отдѣленіе въ нѣкоторыхъ академіяхъ, напри въ Московской, сдѣлалось самымъ популярнымъ и переполнилось слушателями. Но важнѣе всего то, что разсматриваемымъ уставомъ введено правило, чтобы степень магистра богословія давалась только за печатное сочиненіе, публично защищенное обычно-принятымъ порядкомъ. А что касается степени доктора богословія, то эту степень стали теперь присуждать (и конечно за печатныя сочиненія) въ академіяхъ, а не въ Синодѣ, какъ было раньше, а не въ Синодѣ,—говоримъ,— гдѣ этой степени удостоивались ученые люди только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Короче сказать: въ Академіяхъ введены были по части пріобрѣтенія ученыхъ степеней совершенно такіе же порядки, какіе существовали и существуютъ въ русскихъ Университетахъ. Это сильно двинуло впередъ церковно-историческую науку. Появилось значительное число какъ магистерскихъ, такъ и докторскихъ ученыхъ диссертацій по вопросамъ

церковно-исторической науки. Даже представители двухъ остальныхъ отдѣленій въ академіяхъ не историки—начали выбирать для своихъ ученыхъ работъ темы преимущественно съ историческимъ оттѣнкомъ или основой.—Появилась церковно-историческая литература и стала заполнять ту пустоту, которая до сихъ поръ такъ непріятно давала себя чувствовать въ этой области. Въ нашихъ духовныхъ журналахъ — число которыхъ около означеннаго времени значительно увеличилось—начало появляться много церковно-историческихъ статей, иногда очень цѣнныхъ. Публика, читающая духовные журналы, замѣтно начала отдавать свое вниманіе этимъ статьямъ предпочтительно предъ статьями по другимъ отраслямъ богословскихъ знаній; вслѣдствіе чего въ журналахъ стали отводить все болѣе и болѣе мѣста статьямъ перваго рода. Должно обратить вниманіе и на самый характеръ той церковноисторической монографической литературы, которая появилась подъ вліяніемъ академическаго Устава 69-го года, и на характеръ тѣхъ церковно-историческихъ статей, которыми главнымъ образомъ съ этого же времени стали наполняться наши духовные журналы. Указанная литература и статьи пріобрѣли характеръ разнообразія. Появились неодинаковыя направленія въ разработкѣ и уясненіи тѣхъ или другихъ церковно-историческихъ вопросовъ. Если прежде всѣ сочиненія церковно-историческаго содержанія писались по одному шаблону и представляли собой утомительную униформу, то теперь, какъ мы сказали, разнообразіе заняло мѣсто прежняго однообразія. Точки зрѣнія стали опредѣляться не предметомъ, о которомъ говорятъ, а тѣми лицами, которыя пишутъ объ этихъ предметахъ. Сдѣлалось возможнымъ по самому писателю, независимо отъ предмета, о которомъ онъ пишетъ, угадывать: какъ онъ напишетъ, съ какихъ сторонъ возьметъ предметъ, и куда склонятся его симпатіи и антипатіи. Появилось—повторяемъ—то, что принято называть направленіемъ. Но, конечно, дѣло не дошло до того, чтобы возникли такъ называемыя ученыя школы на манеръ западныхъ—римско-католическихъ и протестантскихъ. Въ разработкѣ нашей науки появился скепсисъ, столь мало обычный въ богословскихъ наукахъ, не тотъ скепсисъ, который служитъ выраженіемъ недовѣрія къ собственнымъ силамъ и

вообще болѣзненнаго состоянія духа, а тотъ, который не самообольщается, ничего не хочетъ преувеличивать, а довольствуется дозой истины вмѣсто „возвышающаго насъ обмана“, и который есть выраженіе бодраго душевнаго состоянія, словомъ такой скепсисъ, который одинъ извѣстный русскій писатель изъ числа нашихъ святителей назвалъ „здравымъ, а не чахотнымъ“ (т. е. не чахоточнымъ), и который (скепсисъ), по сознанію этого же писателя, долженъ разшифрировать церковно-историческія легенды и отыскивать здѣсь зерно истины [1]). Вотъ что мы видимъ. Ничего такого раньше не было. Новая церковно-историческая литература въ большинствѣ случаевъ стала въ отрицательныя отношенія къ прежней церковно-исторической литературѣ, правда очень бѣдной, но исполненной претензіями, свойственными бѣдности. Идеалы научные много измѣнились. Между учеными церковными историками стали завязываться литературные споры, часто очень интересные и вовсе не безплодные, — споры, о которыхъ раньше и помину не было и которые прежде вообще считались признакомъ дурного тона и отнюдь не поощрялись. Литературные борцы стали расходиться по окончаніи битвы, не подавая другъ другу руки — и это никого не удивляло. Сколько-нибудь замѣчательное церковно-историческое сочиненіе тотчасъ послѣ своего появленія вызывало критику, нерѣдко неумѣренную критику, оно дѣлалось иногда предметомъ ожесточенныхъ нападокъ. И это, конечно, не худо, а хорошо. Еще Дидро говорилъ: „горе тому сочиненію, которое не вызываетъ раскола во мнѣніяхъ“ [2]). — Но довольно и того, что мы сказали о значеніи академическаго Устава 69 года. День появленія въ свѣтъ этого устава можно считать днемъ дѣйствительнаго нарожденія церковно-исторической литературы у насъ въ Россіи; съ этого же времени церковно-историческая наука вышла за стѣны учебныхъ заведеній, и сдѣлалась явленіемъ общественнаго значенія, хотя это значе-

---

[1]) Вотъ слова преосвящ. Порфирія: „я слышу этотъ повелительный голосъ и внимаю ему, потому что это голосъ сомнѣнія здороваго, а не чахотнаго. Я обсуждаю преданіе съ научной неодносторонностію и изрекаю сущность правды, оповѣщенной намъ легендарно“. Труды Кіевск. Дух. Академ., 1872, Іюнь, 443.

[2]) Malheur à l' ouvrage, qui n' excite point de schisme.

ніе и до сихъ поръ не такъ велико, какъ это было бы желательно.

Немного раньше изданія Устава Академій 69-го года, какъ извѣстно, появился новый Уставъ и для нашихъ Университетовъ. Это было въ 1863 году. Этотъ уставъ достопамятенъ въ исторіи нашей науки. Имъ впервые внесена въ кругъ предметовъ преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ—и исторія Церкви. Такой каѳедры раньше въ университетахъ не существовало. Спрашивается: чѣмъ, какими побужденіями можно объяснить появленіе въ университетахъ такой чисто богословской дисциплины, какъ исторія Церкви, такой дисциплины, которая въ западныхъ Университетахъ обыкновенно называется *историческимъ богословіемъ?* Въ отвѣтъ на вопросъ намъ приходилось слышать неодинаковыя мнѣнія. Одни думаютъ, что Церковная исторія введена въ программу университетскаго образованія, выражаясь фигурально—„для оздоровленія корней", для предохраненія отъ суемудрія вѣка сего. Но я не раздѣляю такого мнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы церковно-историческая наука была введена въ университетахъ вслѣдствіе сейчасъ указаннаго мотива, то ее не заперли бы на историко-филологическомъ факультетѣ, всегда и вездѣ не богатомъ слушателями, а сдѣлали бы ее обязательнымъ предметомъ наравнѣ съ „Православнымъ богословіемъ". Да и университетскій Уставъ 1863 года, появившись при министрѣ Головнинѣ, насколько я знаю,—не преслѣдовалъ утилитарныхъ цѣлей, въ родѣ тѣхъ, на которыя указываетъ разбираемое нами мнѣніе. Другіе думаютъ, что Уставъ 63-го года ввелъ подобнаго рода новый научный предметъ въ университетскую программу ради того, чтобы доставить этой полезной наукѣ болѣе удобныя для ея развитія условія, поставить ее въ среду, чуждую всякой схоластики и догматической зависимости. Съ такимъ мнѣніемъ, пожалуй, можно было бы согласиться, такъ какъ оно гармонируетъ съ характеромъ Устава 63-го года; но мы встрѣчаемся съ серьезнымъ препятствіемъ, которое мѣшаетъ намъ вполнѣ принять это мнѣніе. Если бы уставъ дѣйствительно руководился указаннымъ мотивомъ, то онъ постарался бы освободить эту науку отъ прежнихъ вліяній на нее. Но ничего такого не сдѣлано. Церковная Исторія должна была чи-

таться въ университетахъ лицами, непремѣнно вышедшими изъ духовной школы. Университеты признаны не компетентными создавать профессоровъ церковно-исторической науки. Наиболѣе вѣроятнымъ намъ представляется такой мотивъ по занимающему насъ вопросу: Церковная исторія введена въ кругъ университетскаго, а именно историко-филологическаго образованія въ интересахъ его полноты, цѣльности и округленности. Нельзя не согласиться, что Церковная исторія разслѣдуетъ очень важный факторъ въ исторической жизни человѣчества—христіанство и его вліяніе на судьбы народовъ. Едва ли нужно доказывать, что допетровская Русь съ ея преобладающимъ религіознымъ характеромъ остается неясной, если мы не примемъ во вниманіе вліяніе на нее христіанской Византіи; едва ли нужно раскрывать, что мы не поймемъ исторіи романскихъ народовъ, если не станемъ въ то же время изучать исторіи римско-католической церкви, и что судьбы германскихъ народовъ и англо-саксовъ стоятъ въ связи съ исторіей развитія реформаціи. Христіанская религія въ жизни народовъ имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ просвѣщеніе, поэзія, искусства, право, развитіе формъ государственной власти, и вообще культура. Вотъ почему дано мѣсто Церковной исторіи въ университетахъ по уставу 63-го года. Однажды намъ пришлось слышать и такое мнѣніе, что церковная исторія и церковное право введены названнымъ Уставомъ въ кругъ наукъ университетскихъ курсовъ въ видѣ опыта: для того, чтобы узнать, какъ хорошо привьются эти науки къ новой для нихъ средѣ, и въ случаѣ успѣшности опыта имѣлось-де въ виду около нихъ, какъ центра, создать въ университетахъ богословскіе факультеты. Можетъ быть. Но если такъ, то пришлось бы думать, что опытъ не удался, что пробные шары не исполнили своего назначенія, не поднялись высоко и запутались въ кустарникѣ. Опять скажемъ: и это—можетъ быть, и прибавимъ: если такъ, то очень жаль! Всякая неудача въ области размноженія научныхъ институтовъ прискорбна. Но какъ бы то ни было, какими бы побужденіями ни руководился Уставъ 63 года, поставляя каѳедру церковной исторіи въ историко-филологической аудиторіи, во всякомъ случаѣ остается на лицо, какъ, по крайней мѣрѣ, кажется мнѣ, отрадный фактъ: въ шести

русскихъ университетахъ воздвигнуты каѳедры церковной исторіи и на нихъ шестеро благовѣстителей громко возвѣщаютъ: о равенствѣ людей предъ Богомъ, о братствѣ ихъ во Христѣ и о свободѣ отъ суевѣрій и предразсудковъ, которой надо достигать.

Академіи и Университеты дѣлали свое дѣло. Такъ шло до 1884 года, этой годины реформы какъ для тѣхъ, какъ и этихъ. Въ теченіе означеннаго года вышли новѣйшіе уставы Академій и Университетовъ, дѣйствующіе и понынѣ. Уставъ академій на нѣсколько мѣсяцевъ упредилъ своимъ появленіемъ университетскій; поэтому о немъ прежде всего и скажемъ.

Академическій уставъ 1884 года произвелъ глубокое измѣненіе въ порядкахъ и жизни академій, но это послѣднее почти не коснулось положенія церковно-исторической науки здѣсь. Во всякомъ случаѣ церковно-историческая наука и послѣ появленія этого устава можетъ безостановочно развиваться и крѣпнуть. Ничто не препятствуетъ возвышенію ея самочувствія. Можно благодарить уставъ и за это. Есть, впрочемъ, одинъ пунктъ въ уставѣ 1884 г., который можно истолковывать въ смыслѣ еще большаго оффиціальнаго признанія того значенія, какое имѣетъ наша наука въ ряду другихъ своихъ сестеръ. Въ уставѣ заявлено, что рядомъ съ высшей ученой академической степенью —доктора богословія, которая введена прежнимъ уставомъ, учреждена еще новая степень доктора Церковной исторіи; конечно, эту степень опредѣлено присуждать за церковно-историческія сочиненія. Да, степень доктора Церковной исторіи! Это такая степень, котсрой нѣтъ даже на Западѣ на богословскихъ факультетахъ тамъ! Думаемъ однакожъ, что при учрежденіи этой невиданной ученой степени имѣлась въ виду нѣкоторая посторонняя цѣль. Пожелали доставить удовольствіе русскимъ университетамъ. Дѣло въ томъ, что университеты, не смотря на то, что въ нихъ устроены церковно-историческія каѳедры, лишены права удостоивать ихъ питомцевъ ученой степени доктора церковной исторіи. Да къ тому же и академическій уставъ 63-го года не учредилъ такой степени. Поэтому представители церковно-исторической науки въ университетахъ волей не волей должны были на первыхъ порахъ украшаться не совсѣмъ соотвѣт-

ствующею ихъ профессіи академическою степенью доктора богословія. Чтобы дать университетамъ то, чего у нихъ нѣтъ и не могло быть, академическій Уставъ и опредѣлилъ доставить имъ степень доктора церковной исторіи. Само собой понятно, что и представители историческихъ наукъ въ академіяхъ вмѣсто прежней степени доктора богословія въ настоящее время получаютъ за свои диссертаціи доктора церковной исторіи.

Что касается университетскаго устава 1884 года, то вы лучше его знаете, чѣмъ я. Впрочемъ я все-таки слегка коснусь его. Какъ извѣстно, до этого времени каждый профессоръ университета излагалъ предъ слушателями изъ области своей науки, что хотѣлъ и сколько хотѣлъ, соображаясь лишь съ своимъ вкусомъ и наклонностями. Новѣйшій уставъ ограничилъ эту свободу. Введенъ такъ называемый государственный экзаменъ для студентовъ и вмѣстѣ съ этимъ рѣшено экзаменовать ихъ „не изъ профессора, а изъ науки". Явилась нужда въ программахъ наукъ. Составлена программа и по церковной исторіи. Объ этой программѣ, какъ такой, распространяться нечего. Всѣ программы — извѣстная истина—одинаковы. Я хочу сказать, что всѣ существующія на свѣтѣ программы одинаково неудовлетворительны, потому что онѣ никого неудовлетворяютъ. Но не объ этомъ у меня рѣчь. Университетская программа по церковной исторіи при кажущейся краткости ея очень обширна. То, что содержится въ ней,—изученіе этого съ каѳедры въ духовныхъ академіяхъ раздѣлено между пятью профессорами, именно: 1) библейской исторіи, 2) древней церковной исторіи съ позднѣйшею греко-восточною церковью *(это предметъ моихъ спеціальныхъ занятій въ Московской Духовной Академіи)*, 3) Исторіи западныхъ исповѣданій, 4) русской церковной исторіи и, наконецъ, 5) исторіи раскола и русскихъ сектъ. Но это еще не все. Часть вопросовъ, входящихъ въ университетскую церковно-историческую программу, относится въ академіяхъ къ области вспомогательныхъ по отношенію къ исторіи наукъ— патристики, церковнаго права и церковной археологіи. Итакъ, если бы кто захотѣлъ, чтобы церковно-историческая программа университетскаго курса выполнялась дѣйствительными спеціалистами, т. е. лицами знающими многочислен-

ные источники науки и всю ея литературу, то потребовалось бы пригласить для этого дѣла изъ Академіи отъ пяти до восьми спеціалистовъ, т. е. $^1/_3$ всѣхъ наличныхъ ученыхъ силъ Академіи. Право же, я не говорю парадокса. При теперешнемъ распредѣленіи богословскихъ наукъ въ академіяхъ по каѳедрамъ, нѣтъ и не можетъ здѣсь обрѣстись спеціалиста, который съ легкимъ сердцемъ взялся бы за это дѣло. Пользуясь фигуральнымъ выраженіемъ, употребленнымъ, при другомъ впрочемъ случаѣ, нѣкіимъ греческимъ патріархомъ, церковный историкъ академическаго производства и пломбы, принимая на себя задачу выполнить означенную программу, пріемлетъ на себя долгъ тяжелый, какъ пирамида. Я не знаю, какое заключеніе сдѣлаете вы изъ моихъ словъ. Но льщу себя надеждой, что это заключеніе будетъ построено вами по всѣмъ правиламъ логики, т. е. что оно послужитъ обнаруженіемъ снисходительности къ тому, кто теперь предъ вами.

Обозрѣвъ, насколько это требовалось нашей точкой зрѣнія, новѣйшіе академическіе и университетскіе уставы шестидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, спросимъ себя: какихъ же плодовъ достигла наша наука при дѣйствіи означенныхъ уставовъ? Если она двинулась впередъ и оказалась не чуждой успѣховъ, то какими фактами можно засвидѣтельствовать такое явленіе?

Мы уже замѣчали, что въ послѣднее время, въ особенности вслѣдствіе благотворнаго вліянія академическихъ уставовъ, дѣятельность въ сферѣ нашей науки замѣтно увеличилась и развилась. Если мы перечислимъ выдающихся ученыхъ, заявившихъ себя трудами по части нашей науки въ разсматриваемое послѣднее время, то найдемъ въ этомъ лучшее доказательство указаннаго отраднаго явленія. Правда, такихъ лицъ очень немного, но они все же есть. Изъ профессоровъ академій упомянемъ: Троицкаго, Болотова, Курганова. Профессоръ Петербургской Академіи Н. Е. Троицкій, основательнѣйшій ученый, притомъ же обладающій живою историческою воспріимчивостію, извѣстенъ своими трудами по исторіи средневѣковой византійской церкви; искусный и тонкій синтетикъ. Профессоръ той же Академіи Болотовъ, еще молодой человѣкъ, представляетъ собой рѣдкостнаго лингвиста: онъ знаетъ многіе новые языки (не

исключая голландскаго), прекрасно—классическіе, а также еврейскій, коптскій и абиссинскій; его ученыя работы сосредоточиваются вокругъ египетскаго христіанства древняго времени; онъ до сихъ поръ еще не докторъ своей науки, а потому цѣнители церковно-историческихъ знаній вправѣ ожидать отъ него замѣчательнаго труда; неподражаемъ въ обслѣдованіи историческихъ деталей. Профессоръ Кургановъ состоитъ при Казанской академіи и славится многостороннею эрудиціею, хотя его научные взгляды отличаются излишнимъ ригоризмомъ и нѣкоторымъ архаизмомъ: болѣе всего онъ посвящаетъ свои труды разработкѣ вопроса объ отношеніи церкви и государства на Востокѣ и на Западѣ; человѣкъ очень мощный въ области критики. Изъ числа личностей, принадлежащихъ собственно университетской средѣ и отдающихъ себѣ изученію нашей науки, въ качествѣ профессоровъ ея, упомянемъ только двоихъ. А остальныхъ исключаемъ, частію потому, что они въ то же время состоятъ профессорами академіи и слѣдовательно ихъ дѣятельность входитъ въ исторію собственно этихъ послѣднихъ; а частію потому, что они мало извѣстны въ *спеціальной* области нашей науки. Двое же, о которыхъ мы считаемъ долгомъ упомянуть здѣсь—это Иванцовъ и Лебедевъ. Протоіерей Иванцовъ, теперь уже покойный, мой предшественникъ по здѣшней каѳедрѣ, былъ питомцемъ Московской академіи и впослѣдствіи докторомъ богословія моей промоціи. Но о немъ еще столь недавно и такъ много въ стѣнахъ здѣшняго университета было высказано похвальнаго [1]), что, если бы я и пожелалъ, не могъ бы прибавить ни одного слова въ томъ же родѣ; говорить же о немъ въ другомъ родѣ и тонѣ (извѣстно, что совершенства нѣтъ въ мірѣ) считаю въ настоящій разъ неумѣстнымъ. Не принимаю на себя задачи произвести оцѣнку и другого, сейчасъ названнаго нами лица—Лебедева. Лебедевъ, профессоръ церковной исторіи Харьковскаго университета, питомецъ Московской академіи и магистръ ея, былъ однимъ изъ моихъ наставниковъ по части церковно-исторической науки, а потому приговоръ надъ его ученой дѣятельностью

[1]) Два реферанта въ этомъ родѣ проф. М. С. Корелина и кн. С. Н. Трубецкаго напечатаны въ журналѣ: „Вопросы философіи и психологіи“, за 1895 г.

предоставляю другимъ. Скажу о немъ одно: строгое единство направленія, гуманность взглядовъ, брезгливость ко всему лицемѣрному, показному, напускному, лжеименному— составляютъ характеристическія черты нравственнаго лика этого мужа.

Какъ видимъ, мы немного насчитали людей, выдающихся въ сферѣ нашей науки даже лучшаго періода въ ея развитіи. Что жъ дѣлать? Еще время, должно быть, не пришло...

Правда, подъ вліяніемъ уставовъ шестидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ появилось въ свѣтъ много церковно-историческихъ учебниковъ. Но эти учебники обладаютъ лишь тѣмъ рѣдкимъ качествомъ, которое города беретъ. Поэтому оцѣнка такого качества выходитъ изъ предѣловъ нашей компетенціи.

Нѣкоторымъ показателемъ успѣшнаго развитія церковно-исторической науки текущаго времени въ нашемъ отечествѣ могло бы, пожалуй, служить и то, что она начинаетъ пріобрѣтать извѣстность и встрѣчать лестные отзывы за предѣлами Россіи—и именно гдѣ же?—въ Германіи, которую довольно трудно чѣмъ-нибудь удивить. Такъ въ 1890 году одинъ знаменитый нѣмецкій церковный историкъ Адольфъ Гарнакъ, краса столичнаго университета Пруссіи, популярнѣйшій ученый среди берлинскаго учащагося юношества, превосходно знающій русскій языкъ, подвергая въ издаваемомъ имъ журналѣ разбору одно только что отпечатанное, выдающееся по своимъ достоинствамъ русское церковно-историческое сочиненіе молоденькаго русскаго ученаго (который тогда только что сошелъ съ ученической скамьи), писалъ: „въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ церковно-историческая наука въ весьма значительной степени обогатилась работами русскихъ ученыхъ. Эти работы, конечно, немногочисленны: по части древней церковной исторіи въ годъ появляется по одному болѣе или менѣе значительному сочиненію. Но за то они почти всѣ отличаются похвальнымъ усердіемъ къ дѣлу и удивительной полнотой какъ въ изученіи источниковъ, такъ и въ знакомствѣ съ литературой. Сочиненія эти большею частію выходятъ изъ подъ пера бывшихъ питомцевъ Московской духовной Академіи и позволяютъ составлять самое лестное сужденіе о серьезности и рвеніи, съ которыми воздѣлывается здѣсь церковно-исто-

рическая наука [1])". Нѣтъ слова, очень пріятно слышать такія рѣчи. Но мы не должны слишкомъ самообольщаться. Гарнакъ хвалитъ русскую церковно-историческую науку за ея успѣхи, но хвалитъ—не скроемъ этого—такъ, какъ и добросердечный родитель хвалитъ своего сынка за пятерку, полученную имъ изъ латыни, т. е. нѣмецкій ученый, очевидно, измѣряетъ ростъ нашей науки масштабомъ, приличествующимъ лишь недозрѣлому ея возрасту. Нота снисхожденія ясно слышится въ приведенномъ отзывѣ Гарнака. Впрочемъ, и на томъ спасибо. И этого мы дождались только очень недавно.

Внимательный слушатель, вѣроятно замѣтилъ, что рѣчь наша почти исключительно ведется о развитіи общей церковной исторіи, т. е. церковной исторіи иностранной—греческой, латинской и т. д., начиная съ древнѣйшихъ христіанскихъ временъ. Мы имѣли дѣло съ именами, болѣе или менѣе извѣстными у насъ по части разработки именно этой отрасли церковно-историческихъ знаній. Но почему же мы пропустили имена многихъ видныхъ дѣятелей въ разработкѣ отечественной церковно-исторической науки? Не оттого ли наша картина или очеркъ и вышли бѣдны, блѣдны и не слишкомъ отрадны, что мы, говоря объ однихъ дѣятеляхъ церковно-исторической науки, прошли молчаніемъ другихъ? Совершенно справедливо. Но мы умышленно такъ поступили и не видимъ въ этомъ ошибки. По нашему мнѣнію, мѣриломъ развитія нашей науки служатъ успѣхи ея въ области общей церковной исторіи или иностранной, древней и новой, а не отечественной. Изученіе этой послѣдней не можетъ быть безошибочнымъ мѣриломъ преуспѣянія церковно-исторической науки въ данной странѣ. Потому что нѣтъ такой страны христіанской, гдѣ отечественная церковная исторія не была бы предметомъ болѣе или менѣе ревностнаго изученія. Не то видимъ по отношенію къ общей или иностранной церковно-исторической жизни. Не всѣ народы отдаются ея изученію, а только самые культурные народы. Нужно много благопріятныхъ условій, чтобы какой-либо народъ отъ изученія своей родной исторіи перешелъ къ изученію *не* своей исторіи и достигъ здѣсь извѣстной степени совершенства. Но бу-

---

[1]) Theologische Literaturzeitung 1890, s. 502.

демъ говорить исключительно о нашей странѣ. Изученіе отечественной исторіи у насъ, какъ и вездѣ впрочемъ, и легко, и удобно. Всѣ книги подъ руками, всѣ онѣ разгнуты и читать ихъ можно безъ затрудненія, Совсѣмъ въ другихъ условіяхъ находится ученый, принимающій на себя трудъ изслѣдовать чужую церковно-историческую старину. Книги писаны на другихъ языкахъ или ихъ нарѣчіяхъ, часто трудны для пониманія. Нерѣдко недостаточно знать одинъ, или два-три языка, чтобы съ успѣхомъ обслѣдовать чужую старину (напримѣръ, древне-христіанскую жизнь), а нужно знаніе чуть не дванадесяти языкъ. Книги, съ которыми приходится имѣть дѣло, часто невразумительны, вслѣдствіе коренной разницы нашей привычной жизни отъ жизни иноземныхъ народовъ. На изученіе мелкихъ подробностей уходитъ масса времени и притомъ часто безо всякаго результата. Изученіе, значитъ, затруднено. Если хотимъ мы сдѣлать что-нибудь новое въ разсматриваемой области науки, работать по хартіямъ и документамъ, должны ѣхать въ Константинополь, Вѣну, Эскуріалъ, куда-нибудь въ Ватиканъ, въ Британскій музей,—вообще за тридесять земель. А у многихъ ли есть къ этому возможность? Далѣе: допустимъ, что мы взяли для изученія какую-нибудь сторону общей или что тоже иностранной церковной исторіи— древней или новой; но для того, чтобы наше изученіе получило дѣйствительную цѣнность, мы должны стать въ отношенія соперничества со многими учеными разныхъ національностей, то же, но ранѣе насъ, занимавшимися этой же стороной дѣла; повторить только то, что они сдѣлали, значитъ, почти ничего не сдѣлать. А для того, чтобы превзойти ихъ, нужны исключительныя силы, выдающійся талантъ, особенная умственная зрѣлость. Между тѣмъ изслѣдователь Русской церковной исторіи соперничаетъ лишь съ своими соотечественниками въ разработкѣ даннаго вопроса—и ему легче достигнуть успѣха и даже значительнаго въ предпринимаемомъ имъ трудѣ. Вотъ почему при всемъ нашемъ желаніи мы такъ мало насчитали выдвигающихся впередъ ученыхъ работниковъ въ области общей исторіи. Въ сущности и изъ числа тѣхъ, кого мы упомянули раньше, иныхъ можно было вычеркнуть безъ большаго ущерба для нашего дѣла, т. е. для обстоятельности предпринятой

нами характеристики состоянія нашей науки среди нашихъ ученыхъ. Но мы желали быть безпристрастными, и потому говорили, какъ о представителяхъ научнаго движенія въ области общей церковной исторіи—обо всѣхъ сколько—нибудь важныхъ въ этомъ отношеніи писателяхъ. Мы не хотѣли быть слишкомъ разборчивыми и ригористичными. Въ неизмѣримо болѣе благопріятномъ положеніи мы находимся, если примемъ на себя задачу перечислить важнѣйшихъ историковъ, съ успѣхомъ работавшихъ и работающихъ въ области отечественной церковной исторіи. Безъ малѣйщаго затрудненія, безо всякаго напряженія памяти мы тотчасъ насчитаемъ цѣлый десятокъ ученыхъ, имена которыхъ занесены или будутъ занесены на скрижали, куда вписываются имена доблестныхъ сыновъ отечества. Кто знакомъ съ исторіей, какъ наукой (а кому въ наше время она неизвѣстна?), тотъ и самъ припомнитъ имена: Филарета Гумилевскаго, *Макарія* Булгакова, *Голубинскаго*, *Знаменскаго*, Малышевскаго, Кояловича, Субботина, Голубева, Каптерева, Доброклонскаго. И по совѣсти скажемъ мы, что какъ трудно сдѣлаться знаменитостью, посвятивъ себя изученію общей церковной исторіи, такъ легче пожать лавры на изученіи церковной исторіи Русской. Не было еще примѣра, чтобы какой-либо недаровитый человѣкъ стяжалъ себѣ извѣстность, занимаясь изученіемъ общей церковной исторіи; чтобы такой человѣкъ обогащалъ науку общей церковной исторіи. Но чего нѣтъ и не можетъ быть въ указанномъ случаѣ, это самое встрѣчается, когда и не богато одаренный способностями прильнетъ усердно къ изученію русской церковной исторіи. Бываетъ, что иной питомецъ высшей духовной школы съ посредственными дарованіями, по какой-нибудь случайности или почувствовавъ расположеніе къ занятію отечествтенной церковной исторіей, выйдетъ съ серпомъ на это поле, начнетъ изъявлять притязаніе „зватися отъ человѣкъ учителю", притязаніе на уваженіе и значеніе, и не по долгомъ времени въ самомъ дѣлѣ пріобрѣтаетъ репутацію ученаго человѣка, оставаясь, разумѣется, по прежнему посредственностью въ умственномъ отношеніи. И такіе примѣры у насъ въявѣ. Подобныхъ чудесъ не видано и не слыхано въ области науки по общей церковной исторіи. Для достиженія извѣстности въ этой

сферѣ ученой дѣятельности, кромѣ рвенія, таланта, нужно знаніе многихъ наукъ академическаго курса и серьезное знакомство съ многими-же науками, изучаемыми на историко-филологическихъ факультетахъ нашихъ университетовъ.

Но, думаю, пора мнѣ уже и кончить свою рѣчь; начало моимъ лекціямъ, такимъ образомъ, положено, а продолженіе ихъ послѣдуетъ въ свое время. [1]).

---

[1]) Лекція эта прочитана была со многими пропусками въ виду краткости времени, употребленнаго на ея произнесеніе.

2007058232